

Петр Аков (г.Санкт-Петербург) Слезы любви в море печали

Прищутив глаза, Алиса замерла в выжидательной позиции и пристально вцепилась взглядом в глаза Славе. Адреналин, выброшенный за несколько минут до этого в кровь и сгоревший в предыдущей схватке, вновь разжигал ее сердце, заставляя все чаще подниматься грудь от учащенного дыхания. Пальцы Алисы, дрожа от возбуждения, сжимали воздух и тут же отпускали его на волю. В эти моменты Слава мог видеть кровь на ногтях Алисы. Это была его кровь, а также частички кожи, которые остались под ее ногтями после того, как она, несколько раз удачно, не для него естественно, от всей души прошла по его шее и плечам. Свежие раны от содранной кожи болели. Нет, скорее даже болезненно ныли, проявляясь на белой коже налитыми каплями крови, пробуждая в Славе ярость и желание причинить Алисе боль.

Оскалив зубы и сжав кулаки, он сделал резкий шаг ей навстречу. Нервы Алисы, натянутые до предела, как тетива лука, не выдержали и сорвались от этого движения Славы, пуская Алису как стрелу с разрезающим воздух рыком прямо в грудь Славы. Обхватив его бедра ногами, Алиса, работая машинально правой рукой, раздирала кожу на его плече.левой рукой она схватила его за волосы и резко дернула. Острая боль, о которой он уже позабыл, пронзила сознание Славы и наполнила его глаза слезами, выступившими по уголкам. Застонав, он несколько раз ударил Алису кулаком по правому плечу. Она, как кошка, уцепившись за загривок, запрыгнула Славе на грудь и навалилась всем весом на него. Слава поддался этому выпад и повалился на пол, увлекая за собой Алису. Еще в падении она вцепилась зубами в его плечо, и когда они вместе рухнули на твердый паркет, ее челюсти сжались до предела. Слава не

выдержал этой дикой боли, и схватив Алису израненными руками за ее хрупкую шею, стал медленно сжимать пальцы, округлив ее зрачки и окрасив ее щеки в красный цвет, постепенно придавая ему бордовый оттенок. Алиса сдалась, как сдавалась всегда перед грубой мужской силой, единственным джокером в руках мужчины, который она не могла побить всеми своими козырными тузами. Она разжала зубы, выпрямила пальцы и расслабила мышцы тела. Слава, ослабив поначалу хватку, убрал руки от ее шеи, как только убедился, что Алиса сдалась окончательно. Сделав свободный и глубокий вздох, она соскользнула на пол и легла рядом с ним, тяжело дыша.

От прерывистого дыхания бешено работающее сердце продолжало еще несколько минут резко поднимать и опускать ее грудь, пока Алиса не успокоилась совсем. Слава, расслабленный, лежал рядом и наслаждался смешанным чувством удовольствия от того, что наконец-то все прекратилось и от той боли, которую причинила ему Алиса.

— Давно такой схватки не было, — сказал он, переводя дыхание.

— Давно не виделись, — поправила его Алиса.

— Что правда, то правда, — подтвердил Слава. — Когда мы в прошлый раз встречались лицом к лицу?

— Несколько лет назад. В общем, так давно, что даже кажется, что в прошлой жизни. Где ты был все это время? — спросила его Алиса.

— По большей части в разных местах, подолгу нигде не задерживался, — ответил он ей, набирая полные легкие воздуха. — Хорошо встретились?

— Бесспорно. И как-то сразу все понятно становится — что ты такой же, и я не изменилась, — сказала Алиса, рассмеявшись.

Каждый раз, когда они встречались после долгой разлуки, началу общения предшествовала такая импровизированная драка, в которой они выпускали свое второе «я», свой гнев, накопившийся за все время, пока они не видели друг друга по-настоящему. Давая волю чувствам и действиям, в те десять или пятнадцать минут, которые продолжалась потасовка, они становились сами собой. Никакие слова, никакой обмен впечатлениями не мог заменить им этого животного общения. Так они могли вести себя лишь друг с другом. Никто иной не понял бы того, что здесь только что произошло.

— Боль — это доказательство жизни, — подумав немного, сказал Слава. — Предлагаю кофе и пышки, как в старые добрые времена.

— И букет диких роз! — восторженно и одновременно с мольбой в голосе, прокричала Алиса, быстро вставая и упираясь локтями в грудь Славе, растворив свой, полный любви, взгляд в его глазах.

— И букет диких роз, — сдавленно ответил Слава, откашливаясь, — хотя таких сейчас уже не найдешь.

— Настоящий мужчина всегда сможет найти то, что хочет женщина, — показав Славе кончик языка и соорудив гримасу Алиса снова легла рядом с ним, крепко сжав его руку.

— Ах так, — подыгрывая Алисе, сказал Слава раздраженным голосом, — тогда, маленькая леди, прошу со мной на дикое поле голой скалы.

Оба лежали на полу и смотрели в потолок, молча наслаждаясь близостью друг друга. Тела начали растворяться в атмосфере комнаты и становиться легкими, словно облака. Алиса и Слава оторвались от пола и стали медленно подниматься вверх. Продолжая держаться за руки, они парили посреди комнаты. Подарив друг другу улыбки, они, взмахнув руками, как птицы крыльями, и легко заскользив в воздухе, устремились через длинный мрачный коридор Алисиной квартиры туда, где раздавался густой и сладкий аромат кофе. Сев за столик в углу маленького ресторана, они заказали себе по чашке кофе. Слава — черного без сахара, Алиса — с молоком и сахаром, и густой молочной пенкой, которую украшало сердце из ароматной корицы. Алиса хотела сесть в центре

зала, желая привлечь к себе внимание случайных посетителей. Столик благо был свободен. Но Слава, наотрез отказавшись от этого и опустив глаза, сквозь зубы процедив: «Нет», не смотря по сторонам сразу направился к дальнему столику в темном углу, оставляя за собой Алису.

Пока им готовили то, что каждый для себя заказал, Алиса обиженно смотрела на Славу. Он отказал ей в маленькой просьбе, в желании быть центром всеобщего внимания и приковывать к себе взгляды завсегдатаев. Губы ее были сомкнуты и неподвижны, но глаза полны красноречивого негодования. Напряжение между ними нарастало и отдавалось неприятным потрескиванием в ушах. Слава, понимая молчание Алисы, сжав плотно губы поднял глаза и бросил на нее резкий взгляд, который разбился о ее холодную стену немой претензии. Держа руки под столом, Слава сжал кулаки. Он поступил глупо, но, тем не менее, продолжал злиться на Алису за непонимание того, почему она «ТАК» реагировала на его отказ. Лампочка над их столом стала раскаляться. Она как будто вбирала в себя все то напряжение, которое разрасталось вокруг Алисы и Славы и, не выдержав накала, ярко вспыхнула, преодолев один единственный раз барьер своей возможности, после чего тут же погасла, напугав всех резким хлопком, разрядившим напряжение между ней и ним. От неожиданности Алиса вскрикнула, и на мгновенье вокруг воцарилась тишина всеобщей заинтересованности. Все присутствующие обернулись и посмотрели на оказавшиеся в темноте спину Славы и закрытые глаза Алисы. Не увидев ничего интересного, помещение кафе вновь наполнилось гулом посетителей.

Поняв, что они никому не интересны, и осознавая критичность момента, Слава протянул Алисе руки и сказал: «Хорошо, давай сделаем, как хотела ты». Для нее это было уже не важно. Момент, когда он мог ей сделать приятно, был упущен, но выбора не было. Над их столиком было темно, а ей хотелось к свету. Слишком долго она бродила одна в полумраке своего серого коридора. Теперь ей хотелось чувствовать каждую секунду тепло света, пусть даже искусственного. Она покорно встала и, глядя в пол, пошла за Славой, который гордо смотрел вперед, не желая при этом видеть случайных взглядов окружающих. Присев рядом с ней за стол, он накрыл своими теплыми руками ее ладони и, подышав на них через пальцы, нежно произнес: «Прости меня, моя девочка». Она подняла на него глаза и увидела в них безграничную любовь, верность и надежду на прощение. Этот взгляд согрел ее сильнее всех солнц во вселенной, всех костров на Земле и улыбка вновь расцвела на ее губах. Слава достал из внутреннего кармана букет из трех диких розы и, поцеловав ей руку, исполнил ее желание. Глаза Алиса раскрылись от удивления и восторга.

— Но Слава, как и ... когда ты успел? — задыхаясь от счастья, спросила она.

— Алиса, все для тебя, моя любимая. Ты захотела, и я сделал, просто не знал, как подарить. А сейчас, мне кажется, самый лучший момент, — ответил он абсолютно честно.

Слава смотрел, как искренне радуется Алиса тому, что он сделал. Она вновь была счастлива, и свет жизни вновь заструился из ее глаз, как тогда, когда они лежали на жестком полу. Он смотрел на нее и укорял себя за то, что обидел ее из-за такого мелочного поступка. Слава смотрел в глаза Алисе и понимал, что любит ее, любит сильнее всех и всего на свете. Любит так сильно, что силы хватило бы обнять и поднять Землю. Любовь заглушила в нем чувство вины, и он поклялся самому себе, что больше никогда не обидит эту женщину. Он думал об этом без всякого лукавства.

— Алиса, — обратился он к ней.

— Да? — уже довольная и без тени обиды ответила Алиса, отрывая взгляд от цветов и смотря с восторгом на Славу.

— Я смотрю на твою улыбку и хочу дарить тебе ее каждый день. Я тебя люблю, — с теплотой в голосе произнес Слава.

Алиса ничего не ответила. Она смотрела на своего героя и, так же, как и он, а может и еще сильнее, любила его. Когда каждый увидел в зрачках другого отражение собственных глаз, улыбка радости озарила их лица. Девушка принесла им кофе и, поставив чашки напротив каждого, удалилась, оставляя их наедине со словами любви и верности друг к другу. Алиса обмакнула губы в молочную пенку, и у нее на лице осталось сердце из корицы. Она перегнулась через стол и, обхватив Славу руками за затылок, нечаянно столкнула его кружку с кофе со стола. Пока она летела, Алиса, не обращая на это внимания, и не слыша звон разбивающейся кружки, прижалась губами к губам Славы, даря ему свое сердце. В кафе вновь воцарилось молчание, и все посмотрели на влюбленных. Время для них остановилось и казалось, что поцелуй длится целую вечность, не теряя своей сладости. Сквозь поцелуй Слава прошептал ей, что они разбили кружку и разлили кофе. Вместе они опустили взгляд на белый пол, который заливал опрокинутый кофе, и увидели отраженный свет электрических ламп, похожих на звезды. Когда последняя белизна обернулась черной гладью, стало

казаться, что они смотрят в отражение ночного неба, усыпанного россыпью звезд на море.

Алиса и Слава посмотрели вверх и увидели, что ночь раскинула над ними свое бескрайнее покрывало. Неразборчивые разговоры в кафе и приглушенный шум моторов от пролетавших по улице машин сменились грохотом разбивающихся о скалы волн. Слава и Алиса сидели на каменных глыбах небольшого утеса, со всех сторон окруженного бурными водами моря. Их окутала ночная мгла, черная, как кофе, который остался на полу в кафе. И только звезды освещали их обнаженные тела.

Волны, встречаясь со скалистым берегом, разлетались на миллиарды пенных капель, брызгами накрывая тела влюбленных, на которых еще были свежи причиненные друг другу раны. Соль разъедала их, причиняя боль и одновременно возбуждая влечение, о котором ни он, ни она не знали до этого момента. Очередная волна разбилась у их ног и осталась лишь каплями все сжигающей жаждой на губах. Они горели от морской соли друг напротив друга и стремились встретиться, желая утолить бушевавший огонь чувств. Алиса и Слава, тяжело дыша и с трудом сдерживаясь, посмотрели в глаза друг другу. И когда каждый увидел в них отражение луны, заполнившей оба зрачка, кровь из ран на их телах стала каплями стекать по коже. Одна за другой они падали с возбужденных тел на поверхность утеса и чувствуя близость крови другого, стали двигаться навстречу друг другу, притягиваемые силой желания и чувств. И чем меньше становилось между ними расстояние, тем больше разгоралась их страсть слиться вместе, не видя перед собой ничего.

Соединившись телами, Алиса и Слава стали одним целым, и когда капли их крови встретились друг с другом на разгоряченном утесе и слились в едином танце, мир перестал существовать для них. Они закрыли глаза от охватившего их наслаждения. Алиса прикусила губу, и в этот момент ночное небо разрезала медленно падающая звезда, оставляя за собой длинный шлейф огня. Она скрылась в море, озарив на мгновение его поверхность ослепительной вспышкой. Алиса прижалась к Славе, за последние несколько лет она впервые была по настоящему счастлива, ей хотелось продлить это чувство до бесконечности. Остановить это мгновение и пожелать, чтобы оно продлилось вечность. Посмотрев на Славу, она поняла, что он думает о том же.

Лежа на утесе, они наслаждались близостью своих тел. Алиса посмотрела на Славу и поцеловала его в шею, в одну из ран, оставленных ею.

— Как бы ты описал любовь? — спросила его Алиса.

— Любовь... хм. Дай подумать, — ответил Слава.

— Подумай, подумай, — игриво сказала Алиса.

— Любовь! Я бы сравнил ее с корридой, — решительно бросил Слава.

— С корридой? — удивленно переспросила Алиса.

— Ну да, с корридой. Матадор, бык и все остальное, — так же решительно ответил Слава, — процесс такой же.

— Я имела в виду любовь как чувство, а не как то, что мы сейчас, ну-у, ты понимаешь, — засмеялась Алиса.

— А-а. Понятно. А то я подумал, что ты имела в виду именно это, — уже спокойно сказал Слава.

— Нет, глупый, не это, — улыбнулась Алиса. — Что же ты теперь скажешь о том, что такое любовь?

— Ну... Любовь — это рассвет, раскрывающий бутоны роз, на лепестках которых дрожат капли утренней росы от растворившегося в лучах восходящего солнца тумана, — закрыв глаза, сказал Слава.

— Очень красиво. Спасибо, — поцеловала его еще раз Алиса.

— А для тебя что такое любовь? — спросил ее Слава.

— Я не знаю.... Мне нравится твое описание любви, — рассеянно сказала Алиса. — Хотя, ты знаешь... Для меня любовь — это уверенность в том, что мой мужчина мне верен и всегда со мной, вот!

— Я тебе верен и всегда буду с тобой, — поцелуем в шею ответил ей Слава.

Алиса взяла Славу за руку, и они оба посмотрели в ночное небо. Их молчание идеально дополняло шум моря и сияние давно потухших звезд. Таких минут в жизни каждого человека бывает меньше, чем загаданных желаний при падающей звезде. И поэтому они ценятся дороже, чем все золото мира, и оберегаются сильнее, чем первые лица государств.

— А когда ты сравнил любовь в смысле физическом с корридой, ты что имел в виду? — спросила его Алиса, приподнявшись на локте.

— В любви в таком понимании все, как в корриде. Публика — это женщина, которую матадору необходимо удовлетворить своим мастерством. Матадор — это, естественно, мужчина, который и ублажает публику, показывая разные приемы с быком. Рапира, или *estoque*, это та часть, которой матадор, в нашем случае мужчина, убивает быка. В отношении любви ты понимаешь, да, что я имею в виду под убийством? — спросил Слава, с хитрецей в глазах посмотрев на Алису.

— Понимаю, понимаю, — ответила Алиса. — А что символизирует бык?

— Бык — это та маленькая часть всей корриды, с которой матадор играет, доставляя публике удовольствие, а затем, убив ее, приводит публику в экстаз от наслаждения, —

рассмеялся Слава.

— Фу, фу, фу, какой кошмар, — толкнула Алиса в плечо Славу.

— Да, и самое главное. Если матадор сломает рапиру в самом начале, то, как ты понимаешь, публика его освистает и прогонит с арены, — не успокаивался Слава.

— Ну все, хватит. Прекрати, — закрывала ему руками рот Алиса.

— Хорошо, хорошо, умолкаю, — сказал Слава, — но ты же сама просила.

— Я поняла. Для моих нежных ушек этого вполне достаточно, — закончила Алиса.

Слава поцеловал ее в ухо и они уснули сладким сном.

Влюбленные проснулись от того, что нежное тепло утреннего солнца превратилось в палящие лучи полуденной жары, обжигающие плечи влюбленных. Слава встал спиной к солнцу, закрыв своей тенью Алису. Еще не зажившие раны, разъеденные морской солью и обожженные лучами одной из вселенских звезд, начинали болеть. Боль приходила с каждым неловким поворотом, с каждым незначительным движением Алисы.

— Что будем делать? — спросила его Алиса, — долго ты так не прстоишь, да и мне не комфортно постоянно скрываться за твоей спиной.

— Будем плыть к берегу. Надо двигаться к твердой почве, туда, где можно чувствовать себя комфортно и безопасно, — ответил он ей.

— В какой стороне берег? — огляделась по сторонам Алиса, — я ничего не вижу.

— Берег с любой стороны, куда бы мы ни поплыли, — сказал Слава.

— И что ты предлагаешь? — обратилась она к нему.

Слава приложил ладонь ко лбу и обернулся вокруг себя, не давая при этом солнцу коснуться нежной кожи Алисы. Далеко впереди, на ровной глади моря он увидел пенные барашки, похожие на те, которые крутились около их утеса. Это означало, что где-то там есть такой же утес, а может и начало той стабильной почвы, к которой они стремились, как и любая пара, желающая уверенно стоять на ногах, не опасаясь невзгод природы и при этом сохранить свою любовь. Слава показал Алисе рукой ту пенящуюся часть моря, которую он увидел, и сказал, что вероятно — это еще один утес и нужно плыть к нему. Алиса прищурила глаза и, увидев то, на что показывал ей Слава, согласилась с ним.

Они вместе бросились в темные воды, окружавшие небольшую опору, на которой они провели то недолгое время, пока были вместе. Силы быстро оставили Алису и она чуть не утонула. Слава, обхватив ее одной рукой, греб второй, попеременно меняя руки. Когда солнце стало уходить из зенита, они увидели на горизонте прогулочный корабль, на котором гордо развивался еле различимый государственный флаг. До них с борта корабля даже доносились отдельные крики, смех и музыка. Алиса и Слава звали на помощь и размахивали руками до тех пор, пока корабль не скрылся из виду. Тщетны были все их попытки привлечь к себе внимание. В этом бескрайнем море на таком расстоянии трудно было заметить двух жаждущих спасения с высоты борта, стремительно идущего вперед лайнера, пассажиры которого наслаждались жизнью, а не пытались выжить. Алисе и Славе ничего не оставалось, как плыть дальше.

Никто из них не знал, сколько они плыли. И она, и он, оба выбились из сил. Они достигли утеса, когда солнце уже окунулось в лиловую бездну, а ночь становилась полноправной хозяйкой на небе. Загорающиеся звезды были холодны и надменны. Лишь догорающий закат освещал темную поверхность моря, не давая сбиться с пути.

Ободрав кожу на ногах и животе об утес, на который он с трудом вскарабкался

выбираясь из воды, Слава помог Алисе подняться на камни, не дав испытать ей того же, что выпало ему. О себе тут же заявил голод, скрутив им животы, но не успев наполнить их сознание своей минорной симфонией. Усталость одержала победу первой и свалила их в царство тревожного сна.

Утром Слава встал позже Алисы и увидел, что она сидит на краю утеса и напевает песенку, слова которой он слышал когда-то давно в детстве от мамы, когда был еще совсем маленьким. Подойдя к Алисе, он сел рядом с ней.

— Что это за песня? — поинтересовался он.

— Это колыбельная, — тихо ответила Алиса.

— Кому? — спросил Слава.

— Нашему малышу, — с отсутствующим взглядом сказала Алиса.

Слава заметил вдали еще один утес и, посмотрев на Алису, только сейчас обратил внимание, что она беременна. Ее слова застали его врасплох, и он не нашелся, что сказать в такой ситуации. Алиса продолжала тихо напевать песню, никак не реагируя на молчание Славы. Он сел рядом с ней и поцеловал в щеку, думая о том, как поступать в сложившейся ситуации, имея кучу проблем за спиной. «Что теперь делать?» — спросил он ее.

— Я не хочу туда плыть, — без сил проговорила она.

— А куда ты хочешь? — со злостью спросил ее Слава.

— Я не знаю, я никуда не хочу плыть, мне надоело плыть. Я хочу на берег, — заходясь слезами, ответила Алиса.

— Берег где-то там, Алиса, и сидя здесь, вот здесь, на этом проклятом утесе, ты не приблизишь его одним своим желанием. Ты понимаешь это? — яростно начав, сухо закончил Слава.

— Да, я все понимаю, — сказала Алиса.

На исходе дня, когда они уже доплыли до следующего утеса, беда пришла неожиданно и застала их врасплох. Черный плавник, разрезая волны, стремительно атаковал Алису. Слава к тому моменту уже успел выбраться на камни и ждал, когда Алиса подплывет ближе, чтобы взять ее за руки и помочь выбраться из воды. Из-за сгущающихся сумерек Слава вовремя не разглядел угрозы. Когда он увидел ее, было уже поздно. По округлившимся глазам Славы и ужасу, отразившемуся в них, Алиса поняла, что что-то не так. Слава что есть силы резко дернул Алису за руки на себя. Она вылетела из воды, и если бы Слава заметил опасность секундой раньше, то все бы обошлось благополучно. Но именно этой секунды и не хватило Алисе, чтобы уберечь себя. Выпрыгнув из черной бездны, острые зубы хладнокровного противника вскользь зацепили голень правой ноги и как скальпелем отсекали часть ступни. Нечеловеческий крик разлетелся над морем.

Когда небосвод стал бледнеть и звезды меркнуть, Алиса, поджав колени к груди, наконец-то забылась во сне, вздрагивая каждую минуту. Слава посмотрел на нее, на ставший еще больше живот, в котором, вздрагивая вместе с матерью, спал их ребенок, и на изуродованную ногу Алисы. Последнее обстоятельство беспокоило его больше всего, а на него наматывались все остальные сложности. С такой ногой они не смогут проплыть и метра. Кровоточащая нога как магнит мгновенно притянет к себе новые беды. Посмотрев на тревожный сон Алисы, Слава понял, что дальше плыть она не сможет. Он так же понимал, что им вместе в том положении, котором они оказались, придется остаться на этих голых камнях, пока Алиса не поправится. Судя же по ее состоянию, о ближайшем выздоровлении не могло идти и речи. Ситуация усугублялась беременностью.

Слава посмотрел на спящую Алису и подумал, что весь последний период он только и делал, что поддерживал и тянул ее за собой. Тянул, несмотря ни на что. Ее капризы,

нервные срывы, недовольство всем и, в первую очередь, им, и много что еще, он пропускал мимо, стараясь не обращать на это внимания. А что он получал в ответ? Ничего. То небольшое, что радужным светом сияло в его памяти об Алисе, черными тучами заволочло за последние дни так, что он даже забыл, почему он захотел быть с ней. О любви речи уже и не шло. Он забыл, что когда-то любил ее. Слава продолжал смотреть на Алису и понимал, что ничего, кроме злости и внезапно открывшей глаза ненависти, он не чувствовал по отношению к этой женщине. Слава понимал, что с Алисой, учитывая ее теперешнее состояние и положение, у него нет шансов выплыть на сушу. Он уже было сделал шаг в сторону от нее, но обернулся и посмотрел на живот — туда, где она носила ребенка, их ребенка. Слава на мгновение задумался, что будет с Алисой и ребенком, если тот родится, но вспомнив о себе, отбросил эту мысль, взглянул на лицо Алисы и бросился с головой в бурные воды, навстречу новому рассвету.

Когда Алиса проснулась теплым зимним днем закутанная в плед в своей маленькой квартирке, за окнами большими хлопьями медленно падал снег. В комнате, из-за наполовину открытых штор, было тускло. На столике перед кроватью стояла кружка уже остывшего чая, который она собиралась выпить перед сном. В квартире было тихо. После того, как Слава исчез из ее жизни, она осталась одна, если не считать ребенка, которого она носила под сердцем. Алиса уже не вспоминала тех ужасных дней, которые ей пришлось пережить после того, как Слава бросил ее на произвол судьбы. Память о черной яме, из которой ей пришлось выкарабкиваться, буквально цепляясь ногтями и зубами за жизнь без чьей-либо помощи, была завалена новыми проблемами, которые явились, как только она выползла на свет. Предательство Славы, подкосившееся здоровье, отсутствие средств и одиночество питали растущее сомнение в том, что ей хватит сил одной вырастить ребенка; и соленая слеза смочила ее щеку, пока еще свободную от морщин. Тишина своим молчаливым безумием с каждым днем все больше и больше погружала Алису в депрессию. Алисе немедленно захотелось выйти на улицу и вдохнуть полной грудью свежий холодный воздух. Сделав глоток чая, она оделась и вышла на улицу.

По аллеям сада гуляли люди, лица которых светились радостью и счастьем. Черные ветки деревьев скрипели под тяжелыми шапками белого снега. Этот белый снег говорил о том, что всегда есть возможность начать все сначала, с чистой страницы. Рядом с Алисой прошел мужчина в черном пальто, держа в руке огромное количество разноцветных воздушных шаров. Пройдя немного вперед по направлению к скверу, он остановился и обернулся к Алисе.

— Хотите шар? — спросил он задорно.

— Нет, спасибо, — отказалась она.

— Зря, в такой период их яркий цвет дарит людям улыбки и надежду. Может, передумаете? — подмигнул ей прохожий.

— Нет, нет, спасибо большое, — слегка улыбаясь, ответила она.

— Смотрите сами, никогда не поздно принять другое решение, — сказал мужчина, многозначительно подняв брови.

Мужчина повернулся к ней спиной и стал удаляться, приближаясь к опрятно одетой девочке лет пяти-шести и молодой паре, по-видимому ее родителям, которые стояли около разукрашенной пони. Девочка прыгала вокруг нее, давая всем понять, что она хочет взобраться на маленькую лошадку. Подойдя к девочке, мужчина протянул ей один воздушный шар, взяв который она стала медленно подниматься вверх, смеясь от восторга и радости. Шар поднял девочку до уровня седла, после чего она стала вращаться над спиной маленькой лошадки. Румяные щечки девочки светились здоровьем. Ее родители помогли ей сесть на пони и, подарив друг другу улыбки, пошли по тропинке, придерживая дочь по разные стороны седла.

К мужчине с шарами подбежала вторая девочка, примерно того же возраста, что и первая. Одежда ее была грязна и потрепана, а землистый цвет лица выдавал ее болезненное хроническое состояние. Девочка о чем-то спросила мужчину, посмотрев на воздушные шары. Мужчина рассмеялся и дал ей всю связку шаров. Девочка схватила их, ее ноги тут же оторвались от земли, и она, увлекаемая шарами, устремилась в небеса. Крик девочки поднял в воздух стаи ворон, сидевших на ветках в парке. Когда ее сапожки оказались на уровне вытянутой руки мужчины, он поймал ее за ногу и посмотрел ей в лицо. В нем читались страх, отчаяние и мольба о помощи. Нога девочки выскользнула из сапожка, за который держал ее мужчина, и она плавно полетела вверх. Спустя несколько минут на сером небе было видно лишь большое яркое пятно воздушных шаров, от которых во все стороны разносился детский крик. Алиса, взглянув последний раз на небо, пошла туда, где ее ждала тишина.

Дома среди пустых стен в голову Алисы закрались мрачные мысли. «Что она ОДНА могла дать своему ребенку? У нее нет ничего, чем бы она могла обеспечить его первые шаги в этой суровой жизни. У нее нет никого, кто бы мог помочь ей и ребенку, если с ней что-то случится. Ее бросил ее мужчина как только столкнулся с первой по-настоящему сложной задачей, которую он даже не пытался решить. Ее здоровье, как ей казалось, медленно угасало. Она — одна, и она слаба. И как при всем при этом она оставит на произвол судьбы своего ребенка, если с ней что-нибудь случится?» Она не верила ни в себя, ни в свои силы. Алиса боялась растить ребенка без какой-либо веры в завтрашний день. Решение, которое она приняла, было мучительно и далось ей с трудом, но оно казалось единственно верным и благим как для нее, так и для того, кто был у нее под сердцем.

Пройдя в отцовскую комнату, которая когда-то служила ему и кабинетом, она села за его стол и достала из выдвижного ящика старый револьвер. Вместе с ним в ящике она увидела целую кучу отстреленных гильз, которые покатались к ней, когда она дернула за ручку. Алисе был нужен только револьвер, а эти катящиеся гильзы дополнит в скором времени еще одна, если не дрогнет ее рука. Ее отец умер давно, но его оружие осталось дома. Сколько Алиса себя помнила, каждое утро, уходя на работу, отец брал его с собой, а возвращаясь, приносил еще шесть отстрелянных гильз. Когда она была подростком, он часто брал ее с собой на работу. В здание, где сияющая белизна халатов сотрудников ослепляла ее, и где ее отец каждый день приводил в исполнение смертные приговоры, которые посетители выносили сами. Алиса видела, как отец обращается с револьвером, поэтому она могла все сделать сама. Сама принять решение, и сама же его исполнить.

Зайдя в туалет, она села на стульчак и проверила барабан револьвера. Как всегда, он был заряжен. Взведя курок, она приставила дуло к животу как к виску, и от волнения задержала дыхание. Приняв решение, она все же колебалась. Дверь туалета была открыта и ей виделась часть коридора. Обои со стен были содраны — Слава обещал заменить старые на новые, более яркие. Теперь же не было ни старых, ни новых обоев, а только стена — серая, как жизнь Алисы. У самого плинтуса Алиса увидела кусочек старых, пусть и выцветших, но обоев с рисунком цветов. Она ухватила взглядом за этот кусочек на стене и уже готова была встать, как к нему бросился ее кот Маркиз, черный, как ночь. Поиграв с ним несколько секунд, он оторвал его зубами и убежал, преградив Алисе путь. Она закрыла глаза и нажала на спусковой крючок. Выстрел в маленьком помещении оглушил ее. Она выронила из рук револьвер и упала на пол. Смыв был полон крови ее не родившегося ребенка. Алиса нажала на рычаг смывного бачка, и вода с шумом унесла части того, что было плодом ее любви. Преодолевая боль, Алиса поползла к комнате. Ей казалось, что она ползла целую жизнь, оставляя за собой кровавый след. С трудом добравшись до комнаты, она легла в кровать и посмотрела в

ОКНО.

На улице светило весеннее солнце и слышались детские радостные крики. В квартире Алисы по-прежнему было тихо, она по-прежнему была одна. Только сейчас, прожив пустую и бессмысленную жизнь, она понимала, что никакие препятствия и невзгоды не могут быть причиной того, чтобы мать своими руками задушила рождающуюся в ней жизнь. И если бы можно было все вернуть, то Алиса непременно поступила бы по-другому. Но ничего нельзя было вернуть, и она ничего не могла изменить. Только соленые слезы, скатившиеся по ее лицу, на котором время оставило глубокие морщины, разделяли окружающую ее тишину. Это были слезы любви к ее ребенку, который мог с ней быть в этом бескрайнем море печали.